

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЫСЛИ

ЛЕОНИД Жуховицкий — популярный прозаик и драматург. Писатели часто обращаются к публицистике, чтобы сказать о том, что их волнует, напрямую.

Из этих двух посылок уже следует естественность публицистического сборника Л. Жуховицкого, выпущенного «Молодой гвардией» в серии «Компас».

Но эта естественность — предварительная, мало что говорящая, бедная. Суть же здесь гораздо богаче.

Дело в том, что газета, диспут, слово атакующее, открытое — сквозная струна всего творчества писателя. Его романы, рассказы, пьесы — это своеобразные притчи. Даже порой фантастические.

Добротный фон реального быта так и остается в них все-таки фоном, на котором отчаянные, детективные, невероятные приключения переживает острая, всегда своеобразная мысль. Его истинный герой — тезис. А перипетии, сквозь которые герой проходит, головоломны.

Вспоминается здесь знаете что? «Три мушкетера». Классический роман только ведь кажется держащимся на «шпагах». Раз укол, два, три... А потом однажды видишь, что истинное увлечение приносит не обман ударами, а обмен репликами. Да, Дюма пишет о фехтовании, но прежде всего — о фехтовании умов.

СОТРУДНИКИ молодежной прессы хорошо знают и высоко ценят острое, как шпага д'Артаньяна, перо Л. Жуховицкого. Но давно замечено вот что. Если, допустим, к вам пришло письмо: «А правда ли, что обижать слабого нехорошо?» — не стоит показывать его писателю. Он не играет в одни ворота, не бьет тех, кто и так подставился — словом, идея «обидеть слабого» его не увлекает. Вот сильного, наглого, внешне непробиваемо-логичного, самоуверенного — другое дело...

Любимый герой Жуховицкого часто отправляется в настоящие путешествия. Цель, как правило, — стереотип. Хорошо укрепленный, обжившийся в просторах наших привычных представлений и да-

же, кажется, не ожидающий уже никаких нападений.

Вот одно из таких шаблонных царств — «романтика». Что иногда скрывается под звучным и благообразным термином? Те, кто прочитал исследования писателя в этой области (например, «Черный хлеб романтики» или рассказ о юности, мечтающей про настоящие замечательные и таинственные города — Курск, допустим, или Тамбов, потому что приходится жить в скучном и обиденном городе Потти, на берегу Черного моря), тот навсегда запомнит население, прижившееся под ярким флагом. Тут окажутся и инфантилизм, и демагогия, и незрелость, и эгоцентризм, и пренебрежение к будням, а вовсе не одна жажда подвигов.

Или вот «смелость — трусость». Четверо «джентльменов» в электричке придрались к четырем «ценителям музыки» и стали их учить рыцарству — при девушках, разумеется. О чем один из «смельчаков» горделиво поведал в письме в редакцию.

Вот этот, казалось бы, твердо стоящий на своей позиции противник — уже по душе писателю.

Сначала его надо сбить с привычной, освоенной ангитезы. «Ты пишешь, что «ценителей» было четверо. Вас тоже четверо. В таком случае вы четверо нападали на одного».

«К сожалению, хулиганы имеют даже при численном равенстве преимущество... Они сговорились заранее, они нацелились на драку, короче, они организованы».

«А между прочим, у тебя была возможность прояснить настоящую смелость в этой истории. Например, в критический момент объяснить приятелям, что унижать человека подло, а при девушках подло вдвойне».

Это — только начало «боя». А вот его завершение. Сброшены все «романтические» украшения. И сильный луч анализа высвечивает истинный смысл описываемого: «тоскливая потребность привязаться к робкому пареньку в ночной электричке»...

Но пересказывать приключения (особенно приключения мысли) неблагоприятное занятие. Не лучше ли пригласить к участию в них?

ХОТИТЕ знать, кто такие мещане? И почему они так часто встречаются в книгах, а в жизни их обнаружить непросто?

(«Мещанин любит деньги».

Правда, мы с вами от денег тоже не отказываемся, но мы-то с вами совсем другое дело...

Еще он гоняется за вещами.

Правда, и мы с вами спим не на полу и ходим не голые...»)

А заодно решить наконец — хорошо это или плохо — престижность? И как ее добиться?

Стиль здесь веселый, иронический, очень выразительный:

«Словом, если стереть случайные, сомнительные черты (слышите цитату из Блока, как она перевернута?) и оставить лишь бесспорные, общепринятые, получится, что мещанин — это человек, который нам с вами не нравится».

Приехали!.. Пойдите, что же это, выходит, что автор против борьбы с мещанством? Нет. Он — за борьбу с ленью мысли, с шаблоном, с употреблением слов вместо желания думать.

«На мой взгляд, мещанством мы часто называем очень разные явления, причины которых сложные, а порою и противоречивы. Так в старину и пневмонию, и плеврит, и бронхит, и грипп называли простудой. Потом разобрались в сути и причинах каждой болезни — и стали ее успешно лечить...»

ЗНАЕТЕ, чем интересны приключения? Они заразительны и оптимистичны. Вот и прочитав увлекательный сборник «показательных боев» Леонида Жуховицкого, многие, наверное, захотят мыслить, получат вкус к честному спору, почувствуют себя увереннее.

Вот свидетельство из предисловия Константина Симонова: «...Хотелось бы заметить в пользу этой книги, что, как мне думается, ее интересно читать в тридцать, и в сорок, и в пятьдесят, — что ее интересно читать в шестьдесят, могу засвидетельствовать сам».

Но, конечно, прежде всего она — для молодежи.

А. АРОНОВ.